НОВАЯ ДАТИРОВКА БОЛЬШОГО САЛБЫКСКОГО КУРГАНА

Л. С. Марсадолов

УДК 902.63

Большой Салбыкский курган в Хакасии – наиболее известный мегалитический памятник в Сибири. Экспедиция археолога С.В. Киселева раскопала Салбыкский курган в 1954–1956 гг. Экспедиция Государственного Эрмитажа проводила исследования в Салбыкской долине в 1992–2010 гг. В процессе экспедиционных работ были взяты образцы для дендрохронологического и радиоуглеродного анализов. Неоднократно учёные возвращались к проблемам систематизации археологических материалов на новом уровне обобщений. За последние 40 лет даты археологических памятников Хакасии были уточнены разными методами – археологическим, радиоуглеродным и дендрохронологическим. Ныне курган может быть датирован 1-й половиной VII века до н.э. Огромный пласт больших курганов в окрестностях Салбыка свидетельствует о сильной группировке и концентрации тагарских племён именно в этом районе. Салбыкский период в Хакасии продолжался с VIII по VI века до н.э., но традиции этой культуры уходят и в более поздние исторические периоды.

Ключевые слова: Хакасия, тагарская культура, хронология, радиоуглеродное датирование, дендрохронология, курган, элита, рядовые погребения.

Большой Салбыкский курган (далее – БСК) тагарской археологической культуры Хакасии издавна привлекает внимание исследователей. От точной датировки его материалов зависит реконструкция исторических событий, оценка уровня достижений тагарских племён в экономической, социальной и ритуальной сферах.

Археологи датировали Большой Салбыкский курган по-разному. Большинство исследователей относили его к V–IV или IV–III вв. до н.э., иногда даже к I в. до н.э. – I в. н.э., но в последнее десятилетие всё чаще БСК датируют VII–VI вв. до н.э. (табл. 1).

Исходя из данных таблицы 1, можно отметить интересные тенденции при датировании разными археологами. Если археолог в основном изучает ранние памятники, то дата для Большого Салбыкского кургана *удревняется* (Е. Д. Паульс, А. Г. Акулов), а если более поздние курганы таштыкской или тесинской культур – датировка *омолаживается* (Э. Б. Вадецкая, Н. Ю. Кузьмин), хотя в целом в последние десятилетия наблюдается тенденция к удревнению дат подгорновского и сарагашенского этапов [Грязнов, 1980; Евразия, 2005; Лазаретов, 2007; Савинов, 2012; и др.].

Экспедиция С. В. Киселёва обнаружила в срубе БСК обломки глиняного сосуда баночной формы большого размера (рис. 1, *43*). На дне ямы, у середины западной стены сруба, найден небольшой бронзовый нож. В середине южной стены ограды, возле костра, разведённого у самых её плит, были обнаружены остатки берестяной сумочки, в которой находились бронзовые шилья с выделенной головкой, костяные проколки, бронзовая и костяная иглы. Среди плиток накладки северной части восточной стены ограды был найден большой согнутый бронзовый нож с округлым отверстием на расширяющейся кверху «трапециевидной» рукояти. Около пояса человека, погребённого в дромосе, были найдены две бронзовые обоймы и нож [Марсадолов, 2010].

Материалы из 4-х малых курганов в Салбыке, раскопанных экспедицией С. В. Киселёва, отрядом С. В. Зотовой в 1955 г. (рис. 1, *32*), Н. Л. Членова [1972] отнесла к переходной карасук-тагарской (подкунинско-кокоревской) группе и датировала VIII–VII или VIII–VI вв. до н.э., а БСК – V–IV вв. до н.э. (табл. 1). Предложенный большой хронологический разрыв в датах надолго задержал синхронизацию малых и большого курганов в Салбыке как единого комплекса близких по времени объектов.

Цель данной статьи – анализ проблемы возраста БСК на современном этапе исследований археологических памятников скифской эпохи Минусинской котловины с учётом возможностей различных подходов и методов в контексте проблемы хронологии тагарской культуры в целом.

Таблица 1

Возраст Большого Салбыкского кургана по данным разных авторов

Автор, год публикации	Метод и основа датировки	Этап тагарской культуры	Дата (до н.э.)
С. В. Киселёв [1951] (до раскопок)	археологические аналогии	вторая тагарская стадия	
С. В. Киселёв, 1956 (в ходе раскопок, отчёт, надпись на плите)	археологические аналогии		III в.
М. П. Грязнов [1968, с. 190–191].	археологические аналогии	сарагашенский	IV–III вв.
Н. Л. Членова [1992, с. 212].	бронзовый нож с трапецевидной ручкой		V–IV вв.
Э. Б. Вадецкая [1994, с. 66].	археологич. аналогии с тесинскими памятниками (ограда, нож и др.)	тесинский	не ранее II в. до н.э. и не позже I в. н.э.
Л. С. Марсадолов [1995, с. 8].	археологические аналогии	сарагашенский	V–IV вв.
Л. С. Марсадолов [1997в, с. 11].	археологические аналогии, радиоуглеродные даты		V в.
Евразия [2005, с. 175].	радиоуглеродное датирование	сарагашенский	не позже V в. или раньше
Н. Ю. Кузьмин, [2008, с. 190; 2011, с. 70].	археологические аналогии	рубеж скифского и хуннского времени	2-я половина III в.
А. Г. Акулов, Е. Д. Паульс [2008, с. 8]	тагарская курганная архитектура	ступень С, фаза С2	VII–VI вв.
Л. С. Марсадолов [2010, с. 37].	радиоуглеродные даты	сарагашенский	1-я пол.V в.
Л. С. Марсадолов [2014].	дендрохронология	БСК на 35 лет старше кургана Аржан-2 в Туве	
Л. С. Марсадолов [2014].	комплексный подход	**салбыкский**	**1-я пол. VII в.**
Даты 4 малых курганов около БСК (раскопаны экспедицией С.В. Киселёва в 1955 г.)			
Н. Л. Членова [1972, с. 126–129, 107–109].	археолог. аналогии (переходная карасук-тагарская группа)	подкунинско-кокоревская группа	VIII–VII вв. или VIII–VI вв
Л. С. Марсадолов [2010, с. 11].	тагарское время		
Л. С. Марсадолов [2014].	комплексный подход	салбыкский	**1-я пол. VII в.**
Л. С. Марсадолов, 2015	комплексный подход	салбыкский	**4-я четв. VIII в. – 1-я четв. VII в.**

Краткая история датирования тагарских памятников

На долгом пути научного определения дат археологических объектов Южной Сибири и памятников тагарской культуры были пройдены три основных этапа:

1. Классификация и периодизация объектов по материалу – XVIII–XIX вв.

Изучая памятники Сибири, Г. Ф. Миллер, первый исследователь курганов в Салбыкской долине, в середине XVIII в. обратил внимание, что *«вместо золотых и серебряных украшений и сосудов*, кои находят в других могилах, здесь *всё состояло из красной меди,* как то: медные ножи, кинжалы, стрелы и всё то, к чему, впрочем, железо гораздо удобнее. Итак, народ, похоронивший там своих покойников, может быть, ещё *не знал употребления железа*. Следовательно, эти могилы старее прочих» [Миллер, 1937, с. 522].

С 1840 до 1910-х гг. тагарские курганы раскапывали М. А. Кастрен, В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, И. П. Кузнецов-Красноярский, А. В. Адрианов, И. Т. Савенков и др. На основании предшествующих исследований и на материалах своих раскопок многочисленных курганов Алтая, Казахстана, Минусинской котловины и других районов Южной Сибири, В. В. Радлов в 1880-е гг. разделил памятники на четыре *«культурных эпохи»* [Радлов, 1896]:

1) медный или бронзовый период;
2) древнейший железный период;
3) новый железный период;
4) позднейший железный период.

Эта периодизация В. В. Радлова оказала большое влияние на дальнейшее развитие сибирской археологии [Марсадолов, 1996; Тишкин, 2007].

Классификация и периодизация по материалу, замечательные по уровню обобщения и простоте, были весьма прогрессивны для XVIII–XIX вв., но, вероятно, они в основном применимы для выделения крупных периодов в ранней истории развития человечества.

2. Периодизации по культурам (стадиям или этапам) и первые абсолютные даты – 1920–1960-е годы.

В конце XIX – начале XX вв. европейские археологи стали выделять «археологические культуры» (О. Монтелиус, П. Рейнике, Ж. Дешелетт, В. Городцов, А. Спицын и др.) [Клейн, 2014]. В 1920–1950-е гг. тагарские курганы раскапывали и изучали С. А. Теплоухов, С. И. Руденко, М. П. Грязнов, Г. П. Сосновский, С. В. Киселёв, Л. А. Евтюхова, В. Г. Карцев, М. А. Дэвлет, С. В. Зотова, Ю. С. Гришин и другие археологи [Членова, 1967; Вадецкая, 1986; и др.].

С. А. Теплоухов в 1920-е годы использовал новый методический подход – выбрал и раскопал ряд объектов разных хронологических периодов в одном микрорайоне у с. Батени. Он создал «классификацию древних металлических культур Минусинского края» и выделил 14 хронологических групп археологических памятников, среди которых была Минусинская Курганная культура с 4 этапами [Теплоухов, 1929].

В 1928 г. С. В. Киселёв предложил новое название для этой культуры – «тагарская», по месту основных раскопок курганов А. В. Адриановым на острове Тагарском на Енисее. Позднее в 1949 г. в обобщающей монографии «Древняя история Южной Сибири» [Киселев, 1951] он уточнил даты трёх стадий тагарской эпохи:

I стадия (VII–V в. до н.э.);

II стадия (V–III вв. до н.э.), синхронные майэмирской культуре на Алтае;

III переходная стадия (II–I вв. до н.э.).

В 1950–1960-е гг. М.П. Грязнов разработал более детальную классификацию памятников тагарской культуры, подразделив их на 4 этапа и дав им названия по памятникам, выделенным С.А. Теплоуховым [Грязнов, 1968]:

1) баиновский (VII в. до н.э.);

2) подгорновский (VI–V вв. до н.э.);

3) сарагашенский (IV–III вв. до н.э.);

4) тесинский (II–I вв. до н.э.).

В 1920–1970-е годы были заложены основы современной периодизации и хронологии археологических культур Евразии и памятников древней Хакасии. Периодизация по культурам, стадиям или этапам с относительными и абсолютными датами более удобна для детальной систематизации обширных археологических материалов.

3. Уточнение датировок памятников – 1970–2000-е годы.

В 1960–2000-е гг. памятники тагарской культуры изучали М. П. Грязнов, А. Н. Липский, Г. А. Максименков, А. И. Мартынов, Н. Л. Членова, Э. Б. Вадецкая, М. А. Дэвлет, Л. Р. Кызласов, А. Д. Грач, Я. А. Шер, М. Н. Пшеницына, М. П. Завитухина, Д. Г. Савинов, Б. Н. Пяткин, В. В. Бобров, Я. И. Сунчугашев, И. Л. Кызласов, Н. В. Леонтьев, Э. А. Севастьянова, О. Л. Пламеневская, В. М. Старушенко, Р. В. Николаев, Г. Н. Курочкин, Н. А. Боковенко, М. Л. Подольский, А. С. Поляков, Н. Ю. Кузьмин, Е. Д. Паульс, С. Б. Гультов, В. Н. Седых, Л. С. Марсадолов, В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак, Ю. С. Худяков, Ю. А. Смирнов, А. В. Субботин, С. В. Красниенко, Е. Л. Кириллов, С.В. Александров, Ю. В. Тетерин, И. П. Лазаретов, Н. Н. Николаев, А. А. Ковалёв, С. В. Хаврин, А. И. Готлиб, Г. Парцингер, А. Наглер, С. В. Морозов, О. С. Советова, Е. А. Миклашевич и многие другие археологи. Объём археологических источников по тагарской культуре к началу XXI века – один из самых больших в Евразии: раскопано свыше 1 тысячи курганов, более 10 тысяч погребений, десятки поселений, изучены сотни памятников наскального искусства, а в музеях хранится более 6 тысяч случайных находок [Вадецкая,1986; Савинов, 2009; Субботин, 2001; Советова, 2005; и др.].

В связи с раскопками в 1971–1974 гг. огромного кургана Аржан-1 в Туве неоднократно ставился вопрос об удревнении памятников баиновского и подгорновского этапов тагарской культуры до VIII в. до н.э. (работы М. П. Грязнова, Г. Н. Курочкина, Н. А. Боковенко, Л. С. Марсадолова, Д. Г. Савинова, А. В. Субботина, И. П. Лазаретова, К. В. Чугунова и др.), хотя ряд археологов придерживался прежних дат (Н. Л. Членова, Э. Б. Вадецкая и др.).

В работе 1980 г. М.П. Грязнов, учитывая материалы из кургана Аржан-1 в Туве и новых тагарских памятников, удревнил дату баиновского этапа до VIII в. до н.э. и выделил ещё 3 дополнительных переходных этапа [Грязнов, 1980, с. 4]:

- черновский – около VII в. до н.э.;
- биджинский – около V в. до н.э.;
- лепёшкинский – около III в. до н.э.

Итоги изучения культур эпохи бронзы, тагарской и таштыкской были подведены в мо-

нографии Э. Б. Вадецкой [1986], которая даты тагарских памятников оставила в соответствии с этапами М. П. Грязнова 1960-х годов.

А. И. Мартынов в 1970-е гг. систематизировал материалы из лесостепного района тагарской культуры и выделил ряд хронологических этапов [Мартынов, 1979]:

- большепичугинский (VI–V вв. до н.э.);
- тисульский (V–IV вв. до н.э.);
- назаровский (III вв. до н.э.)
- шестаковский послетагарского времени (II–I вв. до н.э.).

А. В. Субботин [2001] статистически обобщил материалы из могильников и выделил *ранний* (кон. VIII–VI вв. до н. э.), *развитый* (V–III вв. до н. э.) и *поздний этапы* (кон. II–I вв. до н. э.) в развитии тагарской культуры.

Большую работу по систематизации археологических памятников и культур Сибири и Центральной Азии (от афанасьевских до позднесредневековых) выполнил Д. Г. Савинов. В статьях и в монографиях он попытался синхронизировать археологические культуры с данными письменных источников [Савинов, 2009; 2012 и др.].

Начиная с 1960-х гг. в Южной Сибири всё активнее стали использовать радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование объектов от афанасьевской до средневековых культур (работы С. В. Бутомо, С. И. Руденко, И. М. Замоторина, М. П. Грязнова, Л. С. Марсадолова, Ю. Н. Маркова, Г. И. Зайцевой, Н. А. Боковенко, Л. А. Орловой, В. И. Молодина, Л. М. Лебедевой, С. С. Васильева, А. А. Семенцова, В. И. Дергачева, И. Плихта, А. Ю. Алексеева, К. В. Чугунова, И. П. Лазаретова, А. А. Тишкина, А. А. Ковалёва, А. В. Полякова, С. В. Святко и др.) [Ермолова, Марков, 1983; Марсадолов, 1985, 1997б, 2000, 2012; Евразия, 2005; Тишкин, 2007; Поляков, Святко, 2009; и др.].

На основе новых радиоуглеродных определений, наблюдений над особенностями погребального обряда и синхронизации с памятниками Тувы (Аржан-1 и 2) Н.А. Боковенко в 2011 г. [2011, с. 312] предложил новые даты для основных этапов тагарской культуры:

1) баиновский – конец X–IX вв. до н.э.;
2) подгорновский – VIII–VII вв. до н.э.;
3) сарагашенский – VII–III вв. до н.э.;
4) тесинский – II в. до н.э. – I в. н.э.

В целом за последние 40 лет произошло удревнение возраста археологических культур Хакасии, уточнены даты ряда объектов, детально изучены наскальные изображения разных эпох Но археологи-классики оставили в «наследство» другим археологам свои труднопреодолимые и на современном этапе дискуссионные хронологические разногласия в 100–200 и более лет, особенно для ранних памятников тагарской культуры.

Новые датировки ранних тагарских памятников

На современном этапе научного изучения археологи всё чаще начинают путаться в отнесении конкретных тагарских памятников VIII–IV вв. до н.э. и особенно отдельных ранних курганов к баиновскому, черновскому или подгорновскому этапам, биджинскому или сарагашенскому этапам. Появились даже «новые перекрёстные даты» старых хронологических этапов, например: подгорновский – VIII–VI вв. до н.э., а сарагашенский – VII–III вв. до н.э. и т.п.

Огромный массив археологических источников предполагает уточнение датировок раскопанных памятников и объектов, новые более детальные современные подходы к их хронологии.

Радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование. В последние годы некоторые археологи отдали предпочтение в решении хронологических вопросов радиоуглеродному методу и приводят в своих работах иногда только радиоуглеродные датировки. Большое доверие археологов к естественно-научным методам сделало их отчасти «заложниками» радиоуглеродного датирования образцов, хотя у таких определений есть много своих «подводных камней» [Клейн, 2014, с. 276–308]. Если ранее радиоуглеродные даты (с одной или двумя сигмами) имели один более или менее «широкий» временной интервал, то ныне возможны определения с 4–8 и более «доверительными» интервалами по 100–300 лет, охватывающие период в 300–500 лет, из которого археологи иногда выбирают даты, наиболее подходящие их научным взглядам. В то же время, археологическими методами сегодня можно датировать объекты значительно точнее, затратив небольшое количество времени на это.

Дерево из Большого Салбыкского кургана сохранилось достаточно хорошо, хотя курган был ограблен ещё в древности. Один образец дерева в середине 1970-х годов был передан на радиоуглеродное определение М. П. Грязновым, Ю. Н. Марковым и Н. М. Ермоловой (табл. 2, №1) [Ермолова, Марков, 1983]. Ещё два образ-

ца были взяты от бревна, найденного в 1992 г. экспедицией Л. С. Марсадолова (табл. 2, №2, 3). Внешние слои брёвен не всегда хорошо сохраняются и не прослеживаются достаточно чётко на взятых образцах. Поэтому на радиоуглеродное датирование в ИИМК РАН автором были отданы образцы не только последних годичных колец (далее – г.к.) (№3), но и из средней части бревна (№2).

Все полученные радиоуглеродные даты для БСК хорошо коррелируют друг с другом. Как известно, радиоуглеродные определения отражают не только дату сооружения кургана, но также возрастные периоды дерева и сложную физико-математическую обработку взятых образцов.

Согласно вышеуказанным радиоуглеродным определениям интервалы калиброванного календарного возраста для БСК выпадают на две основные даты: VII в. (764–622 гг.) и V в. (452–414 гг.) до н.э. Так как большинство археологов этот курган относили к сарагашенскому времени, нами ранее также была выбрана поздняя радиоуглеродная дата – V в. до н.э. (табл. 1). Ранняя радиоуглеродная дата – 2-я пол. VIII – 1-я пол. VII вв. до н.э. также может рассматриваться как один из вероятных временных интервалов (табл. 2).

Большинству археологов знакомо введённое западно-европейскими учёными определение для периода VIII–V вв. до н.э. – «гальштатское плато», когда радиоуглеродные даты близки между собой по цифровому значению в течение длительного временного интервала. На самом деле этому радиоуглеродному подпериоду (C^{14}: 2450–2410), по дендро- и радиоуглеродным данным, соответствует участок кривой, на котором выделяются не менее 4–5 крупных пиков максимумов/минимумов или 9–10 более мелких пиков, входящих в состав этих более крупных ритмов [Марсадолов, 1988; 1997*б*, с. 48, рис. 1; Ловелиус и др., 1996; Евразия, 2005, с. 28, рис. 1.3 и др.].

Почти все археологи в экспедиционных условиях сталкивались с проблемой сохранности последних годичных колец деревянных объектов (срубов, построек и т.п.), которые обычно сохраняются чрезвычайно плохо, даже в Южной Сибири. Во многих случаях очень тонкие по размерам последние 20–50 годичных колец (иногда толщиной всего 1–2 см) на археологических объектах не сохраняются или рассыпаются при перевозке. Отсутствие части таких годичных колец, так же, как использование в древности для сруба брёвен из более старых сооружений или сухостойных поваленных деревьев из леса, может привести к искажению радиоуглеродной даты образца и общей датировки археологического объекта [Марсадолов, 1988]. Например, бревно диаметром 15–20 см может включать в себя 150–200 и более годичных колец. Разброс радиоуглеродных определений с 950 по 750 гг. до н.э. (всего за 200 лет) охватывает радиоуглеродный интервал с 2840 по 2440, т.е. почти 400 лет (табл. 2). Не исключено, что именно из-за таких, непростых природных явлений или недостаточно точно зафиксированного положения годичных колец при отборе образцов на датирование, ранее был излишне «удревнён» возраст ряда тагарских памятников (табл. 2; рис. 1): м-к Кобяк, к-н 5, мог. 1; Казановка-3, к-н 2; Шаман Гора, к. 1; Тигир-Тайджен-4 и др.

Полученные автором в середине 1990-х гг. дендрошкалы для БСК долгое время оставались «плавающими» во времени. После публикации дендрографиков из большого кургана Аржан-2 в Туве [Мыглан, Слюсаренко, Ойдупаа, Гаркуша, 2006; Heuβner, Sljusarenko, 2010] появилась возможность его сопоставления с БСК. Дендрошкалы БСК и Аржана-2 совпали на участке протяжённостью в 150 лет, а синхронизация дендрографиков из двух соседних регионов показала, что Большой Салбыкский курган на 35 лет старше кургана Аржан-2. Радиоуглеродные определения близких по времени участков древесины из этих курганов (Ле-5145 и Ле-6568) также синхронны между собой – около 2460±40 (табл. 2).

Археологическое датирование. В последние годы стало возможным вновь на новом уровне обобщений вернуться к рассмотрению археологической даты БСК в связи с публикациями материалов из курганов VIII–VI вв. до н.э. с территории древней Хакасии и соседних регионов. Конструкция каменных оград большого и малых курганов в Салбыке, формы глиняных сосудов, бронзовых ножей, костяных гребней и другие признаки свидетельствуют об их временной близости в пределах полувека; о хронологическом сходстве их материалов с одной стороны, с поздними курганами в могильниках Есино, Джесос, Кобяк (к. 5, м. 2), а с другой стороны – с ранними курганами из Турана, Серебряково, Тисуля, Утинки и др. (рис. 1).

Таблица 2

**Радиоуглеродные даты для памятников,
близких к Большому Салбыкскому кургану по археологическим аналогиям**

№ п/п	Лаборат. № (ИИМК РАН)		C^{14} дата (лет тому назад – BP)	Интервалы калиброванного календарного возраста (лет до н.э. – cal. BC)		Археологическая дата сооружения объекта, века до н.э. (автор, год)
				1d	2d	
Большой Салбыкский курган (раскопан экспедицией С.В. Киселёва в 1954–1956 гг.)						
1	Ле-1192		2410± 60	754–698 532–398	**764–622** 602–388	Ранее – *разные даты* (см. табл. 1)
2	Ле-4771 (из средней части бревна)		2490±40	764–752; 730–710 **708–618** 606–528	**778–478** 452–414	Комплексная: 1-я половина VII в. до н.э. (по Л.С. Марсадолову, см. рис. 1, *43*)
3	Ле-5145 (последние г.к.)		2460±40	760–680; 656–638 548–476 456–414	**764–622** 602–408	
Памятники, близкие по времени к БСК (Кобяк, Тигей, Сарагаш, Медведка, Аржан-2)						
Кобяк, курган №5, могила 1 (раскопки Н.А. Боковенко и Ю.А. Смирнова в 1992 г.)						
4	Ле-5134b (18 г.к. из центра)		2840±30	1040–920	1130–900	C^{14}: к. X – к. IX вв. Арх.: VI в. Итог – к. IX – н. VIII вв. (по Н.А. Боковенко)
5	Ле-5134a (20 г.к. из серед.)		2790±35	1000–895	1010–830	
6	Ле-5191 (последние г.к.)		2640±25	819–799	832–792	Комплексная: 4-я четв. VIII – 1-я четв. VII вв. (по Л.С. Марсадолову, см. рис. 1, *36*)
Кобяк, курган №5, могила 2						
7	Ле-5190		2470±30	770–430	**770–410**	Итог – VIII–V вв. (по Н.А. Боковенко)
						Комплексная: 1-я пол. VII в. (по Л.С. Марсадолову, см. рис. 1, *37*)
Тигей (раскопки В.Н. Седых в 1980 г.)						
8	Ле-1880		2330±40	**800–700** 480–350 280–260	**800–700** 550–200	1-я пол. VII в. по В.Н. Седых и Л.С. Марсадолову [2009, с. 109]
Новомихайловка, курган №1, мог. 3 (раскопки Н.Ю. Кузьмина в 1985 г.)						
9	Ле-4321		2350±50	520–360 270–260	**800–530** 300–200	III в. до н.э. (по Н.Ю. Кузьмину)
						VII в. до н.э. (по Л.С. Марсадолову, см. рис. 1, *54*)
Сарагашенское озеро (раскопки С.А. Теплоухова в 1923 г.)						
10	мог. 13	UBA-7941	2562±39	810–544		Не позднее VI в. [Теплоухов, 1929]; IV–III вв. до н.э. (по М.П. Грязнову и М.Н. Пшеницыной)
11	мог. 14	UBA-7940	2510±53	796–417		
12	к.1, м. 9	UBA-8790	2502±21	775–539		
13	к.1, м. 9	UBA-7943	2421±45	753–399		
14	мог. 8	UBA-7497	2486±38	775–416		Компл. м-ка: VII–VI вв. (по Л.С. Марсадолову, см. рис. 1, *57*)
Медведка-2, курганы №1 и 3 (раскопки Н.А. Боковенко и С.В. Красниенко в 1981 г.)						
15	к.2, м.1	Ле-2189	2690±40	900–800	920–790	C^{14}: VIII–V вв. Арх.: IV–III вв. Итог – IV в. до н.э. (по Н.А. Боковенко)
16	к.2, м.1	Ле-2190	2490±40	770–520	790–410	
17	к.2, м.2	Ле-2191	2470±40	770–430	770–400	
18	к.2, м.2	Ле-2193	2470±40	770–430	770–400	Компл. м-ка: VII–VI вв. (по Л.С. Марсадолову, см. рис. 1, *56, 60*)
19	к.3, м.1	Ле-2196	2490±40	770–520	790–410	
Курган Аржан-2 в Туве (раскопки К.В. Чугунова. Г. Парцингера, А. Наглера)						
20	Ле-6260		2635±60	0–20 г.к.		Комбинированная: 2-я половина VII в. до н.э. [Евразия, 2005, с. 85]
21	Ле-6261		2444±50	21–30 г.к.		
22	Ле-6567		2458±20	101–110 г.к.		
23	Ле-6568		2377± 16	111–120 г.к.		
24	Ле-6569		2374±16	121–130 г.к.		
25	Ле-6570		2408±20	131–140 г.к.		
26	Ле-6571		2401±15	141–150 г.к. (последние)		

Следует особо отметить, с одной стороны, близость изображений оленей и свернувшегося хищника из Чиликты-5 (Казахстан) и образов из курганов могильника Туран-II (к. 3, м. 2 и к. 5, м. 2), а с другой стороны, бронзовых ножей с трапециевидной рукоятью и шильев из тех же комплексов в Туране-II с близкими предметами из Большого Салбыкского кургана, где на внутренней стороне одной из плит каменной ограды также был зафиксирован наскальный рисунок в виде свернувшегося хищника с поднятой вверх головой (рис. 1, *39–40*, *43*; рис. 2), имеющий аналогии с предметами из Майэмирского клада на Западном Алтае [Баркова, 1983; Марсадолов, 2002]. Вероятно, курган Чиликта-5 был сооружён ранее БСК, но разница во времени между ними менее полстолетия.

Только сами археологи, заинтересованные в создании надёжных хронологических шкал, смогут разобраться в вопросах датирования археологических памятников. Комплексный анализ независимых результатов позволяет определить «узкий» доверительный интервал для каждого кургана. На конференции, посвящённой 100-летию М. П. Грязнова, в заключительной дискуссии Л. Р. Кызласов правильно отметил, что археология такая же точная наука, как и другие естественно-научные отрасли. Следует добавить, что археологи всё же пока ещё недостаточно используют свои традиционные многочисленные методы и подходы для абсолютного и относительного датирования археологических памятников и объектов.

«Опорными точками» для датирования и синхронизации материалов из раннетагарских памятников могут служить неоднократно проверенные разными методами даты для эталонных больших курганов соседних регионов и Хакасии:

- Аржан-1 в Туве – к. IX – 1-я пол. VIII в. до н.э. [Грязнов, 1980; Марсадолов, 1985; 2000; 2004; Евразия, 2005; и др.];
- Чиликта-5 в Казахстане – 4-я четв. VIII – 1-я четв. VII вв. до н.э. [Черников, 1965; Марсадолов, 2000];
- Большой Салбыкский курган в Хакасии – 1-я пол. VII в. до н.э. [Марсадолов, 2014; Акулов, Паульс, 2008];
- Аржан-2 в Туве – 2-я пол. VII в. до н.э. [Евразия, 2005; Cugunov, Parzinger, Nagler, 2010; Марсадолов, 2004];
- Большой Полтаковский курган – 2-я пол. VII в. до н.э. (рис. 1, *53*) [Курочкин, 1993; Марсадолов, 2014] и другие археологические памятники (рис. 1).

По близким формам бронзовых кинжалов, ножей, шильев, костяных гребней, наконечников стрел, глиняных сосудов, украшений и изображений, с учётом вышеуказанных «опорных точек», можно наметить абсолютные даты для ранних тагарских памятников, приведённых ниже в их относительной хронологической последовательности (см. рис. 1):

VIII в. до н.э. – Гришкин Лог I, к. 16, м. 5 [Максименков, 2003]; Знаменка, к. 8, м. 3, к. 19 [Podol'skij, 1996]; Саргов Улус; Тунчух у с. Аскиз; Лебяжье XIV, к. 5, м. 4 [Членова, 1997]; Барсучиха V, к. 5, м. I и II; к. 7 [Завитухина, 1979]; Новая Чёрная I, к. 14, м. 1; к. 15; Чёрновая I, к. 3, м. 1 [Максименков, 2003]; Каменка I, к. 4, м. 3 [Шер, Прокофьева, 1966]; Кок-Хая, курганы 1 и 2 [Савинов, 2012] и др.

2-я пол. VIII в. до н.э. – Есино XV, к. 1; Есино XVII, к. 1, м. 2; Есино XIV, к. 1, м. 2; Есино XVIII, к. 2, м. 2; Есино IX: к. 2, м. 1; к. 3, м. 2 [Савинов, 2012]; Знаменка, к. 21, к. 2; к. 14 [Podol'skij, 1996]; Луговое, к. 3, м. 2 [Александров, Паульс, Подольский, 2001]; Оглахты IV, п. 3 и п. 4; Моисеиха; Аскиз [Членова, 1997]; Тигир Тайджен-4; Казановка-3, к. 3, огр. Б, м. 1; Хыстаглар, к. 1, огр. Б, м. 1; Казановка-2, к. 5 [Евразия , 2005]; Подгорное озеро: к. 8, м. 1; к. 32, м. 2; Новая Чёрная I, к. 9, м. 3; к. 3, м. 1; к. 4, м. 1 [Максименков, 2003]; Афанасьева гора, м. 20–22, 40 [Пшеницына, 1995]; Бейка, к. 2, м. 1 [Александров, Паульс, Подольский, 2001]; Кичик-Кюзюр I, к. 2 [Завитухина, Морозов, 2003]; Джесос; Откин улус, курганы 2, 4 [Членова, 1972] и др.

4-я четв. VIII в. до н.э. – 1-я четв. VII в. до н.э. – Ашпыл, к. 23, м. 2 [Гультов, 1983]; Шаман Гора, курганы 1–3; Кобяк, к. 5, м. 1 [Боковенко, Смирнов, 1998]; Биджа, курганы 1 и 2 [Липский, 1966]; Аскиз, ПМК-6, м. 3 и 1 [Александров, Паульс, Подольский, 2001]; Кадатское Поле, к-ны 1 и 2 [Пламеневская, 1993]; Есино I: к. 2, м. 1; к. 4, м. 2; Есино II: к. 10, м. 1; к. 20, м. 1; к. 12, м. 1; к. 15. м. 2; к. 24, м. 1; к. 17, м. 2 [Савинов, 2012]; 4 малых кургана в Салбыке [Членова, 1972; Марсадолов, 2014] и др.

1-я пол. VII в. до н.э. – Тигей [Седых, Марсадолов, 2009]; Кобяк, к. 5, м. 2 [Боковенко, Смирнов, 1998]; ***Большой Салбыкский курган*** [Марсадолов, 2014]; Туран II, к. 3, м. 2; к. 2, м. 1; к. 5, м. 2 (раскопки А. Д. Грача, 1963–1964 гг.) и др.

VII в. до н.э. – мог-ки Туран I и II (раскопки А. Д. Грача); Серебряковский, к. 4, м. 1–2 [Марты-

нов, Бобров, 1971]; Тисульский, к. 16, м. 2 (Мартынов, 1972); Утинка, к. 4, м. 2 [Бобров, 1979]; Новомихайловский к. 1, м. 1–3 [Кузьмин, 1994]; Медведка I, к-ны 2, 5, 6 [Савинов, Молодин, Полосьмак, 1995]; Медведка II, к-ны 1 и 2 [Боковенко, Красниенко, 1988]; Сарагашенское озеро, к-ны 2 и 3 [Грязнов, Пшеницына, 1966]; Колок, к. 3, м. 3; Большой Табатский курган [Пшеницына, Поляков, 1989]; Толстый мыс V, к. 1, м. 1–2 [Курочкин, 1988] и др.

2-я пол. VII в. до н.э. – Большой Полтаковский курган [Курочкин, 1993; Марсадолов, 2014] и др.

2-я пол. VII – 1-я пол. VI вв. до н.э. – Медведка-I, к. 4 [Боковенко, Седых, Красниенко, 1983, с.78]; Ашпыл – поздние курганы [Гультов, 1983]; Шарыпово [Кирилов, 1983] и др.

VI в. до н.э. – Толстый мыс V, к. 1, м. 3 [Курочкин, 1988] и др.

Археологические материалы из лесостепного района тагарской культуры [Мартынов, 1979] также нуждаются в новом пересмотре их датировок. Предварительно отметим, что многие курганы большепичугинского и тисульского этапов можно датировать 2-й пол. VIII–VI вв. до н.э. (типа рис. 1), а назаровского этапа – V–III вв. до н.э.

Комплексная дата для Большого Салбыкского кургана – ***1-я половина VII в. до н.э***. (возможно, 680–670-е гг. до н.э.), не противоречит археологическим, дендрохронологическим и радиоуглеродным аналогиям со многими объектами Саяно-Алтая.

Разнообразные тагарские материалы свидетельствуют, что формы металлических и других изделий изменялись довольно быстро (рис. 1), а ранее археологи «растянули» по разным хронологическим этапам эволюционное развитие предметов на 6 столетий (VIII–III вв. до н.э.), вместо 3 столетий (VIII–VI вв. до н.э.). Полноценные, уменьшенные и миниатюрные бронзовые предметы бытовали одновременно уже в VII – 1-й пол. VI вв. до н.э. – Серебряково, к. 4; Шарыпово, Толстый мыс и др. (рис. 1, *45–48, 52, 58*). Миниатюрные чеканы и уменьшенные кинжалы из бронзы известны и в памятниках Алтая VI в. до н.э. – Арагол, к. 5 [Марсадолов, 1997а, рис. 15: II] и др.

Ещё в 1929 г. С. А. Теплоухов считал, что предметы из минусинских курганов 2-го этапа (могильник у Сарагашинского озера), «имеющие аналогии в скифской и ананьинской культурах, дают возможность относить начало второго этапа не позднее, как к VI в. до н.э.» [Теплоухов, 1929, с. 48]. М. П. Грязнов и М. Н. Пшеницына частично опубликовали материалы из этого памятника и отметили, что Большой Салбыкский курган также «датируется второй стадией тагарской культуры, т.е. сарагашенским этапом [Грязнов, Пшеницына, 1966, с. 68] – IV–III вв. до н.э. Только спустя десятилетия, учитывая археологические аналогии (рис. 1) и радиоуглеродные даты (табл. 2, №10–14; [Поляков, Святко, 2009], эти сарагашенские курганы можно датировать VII в. до н.э. (рис. 1, *57*).

Тагарские памятники V–III вв. до н.э., нового культурно-хронологического этапа синхронного саглынской культуре в Туве и пазырыкской на Алтае, по своему облику близки к лесостепным памятникам «назаровского» этапа [Мартынов, 1979, табл. 35], но это тема для отдельной специальной статьи.

При определении даты нового археологического памятника следует отметить, к каким группам объектов или хорошо датированным курганам близок этот памятник, и постепенно он «утрясётся» во времени, обретёт более точную дату. Приблизительно такой подход применяется при археологическом датировании античных, скифских и алтайских памятников.

Ранее археологи правильно отметили долгое бытование предметов из бронзы у тагарцев и позднее появление, по сравнению с другими регионами, изделий из железа, что свидетельствует о мощных центрах добычи и обработки бронзы на Енисее. Если в VIII в. до н.э. в индивидуальные могилы помещали полноценное оружие и предметы из бронзы, то в коллективных погребениях с VII в. до н.э. появились сначала уменьшенные, а затем миниатюрные предметы. Гораздо легче и практичнее изготовить не очень качественные уменьшенные копии предметов из бронзы, чем положить в коллективный склеп весьма ценные и немногочисленные в раннетагарское время железные, а также полноценные бронзовые предметы вооружения и быта.

В настоящее время необходимы полные публикации материалов раскопанных археологами тагарских могильников Ашпыл, Туран, Сарагаш, Шарыпово, Толстый мыс и многих других, тогда можно будет произвести более детальное хронологическое сопоставление деталей обряда, конструктивных особенностей каменных оград, антропологического состава погребённых, развитие форм изделий, что по-

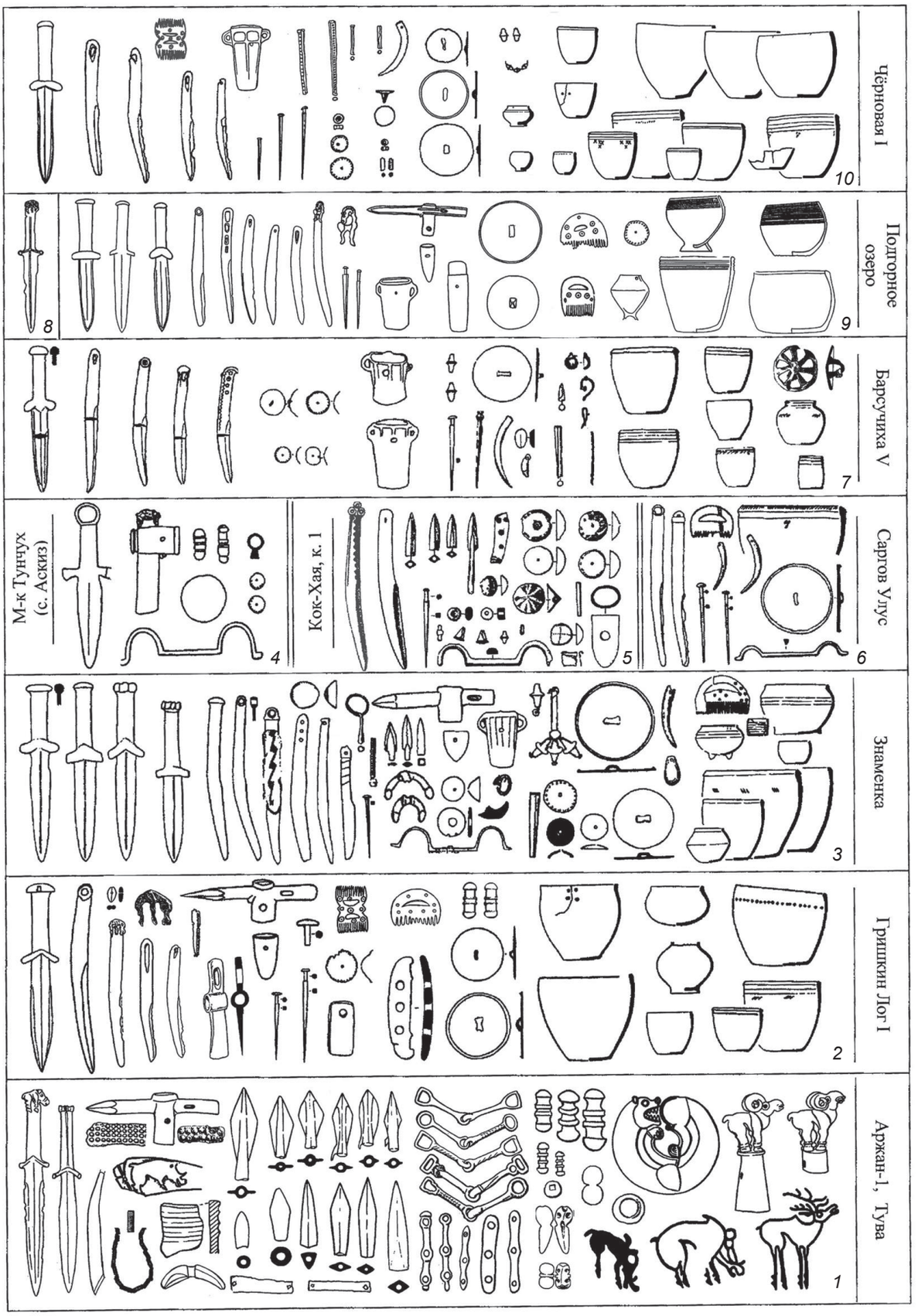

Рис. 1.1. Сопоставление предметов из археологических памятников VIII в. до н.э. из Тувы (1) и Хакасии (2–10, 8 – отдельная находка). Масштабы разные.
По материалам М. П. Грязнова, М. Х. Маннай-оола (1); Г. А. Максименкова (2, 9–10); М. Л Подольского (3); Э. А. Севастьяновой (4); Д. Г. Савинова (5); А. В. Адрианова (6); М. П. Завитухиной (7, 8). Составлено Л. С. Марсадоловым.

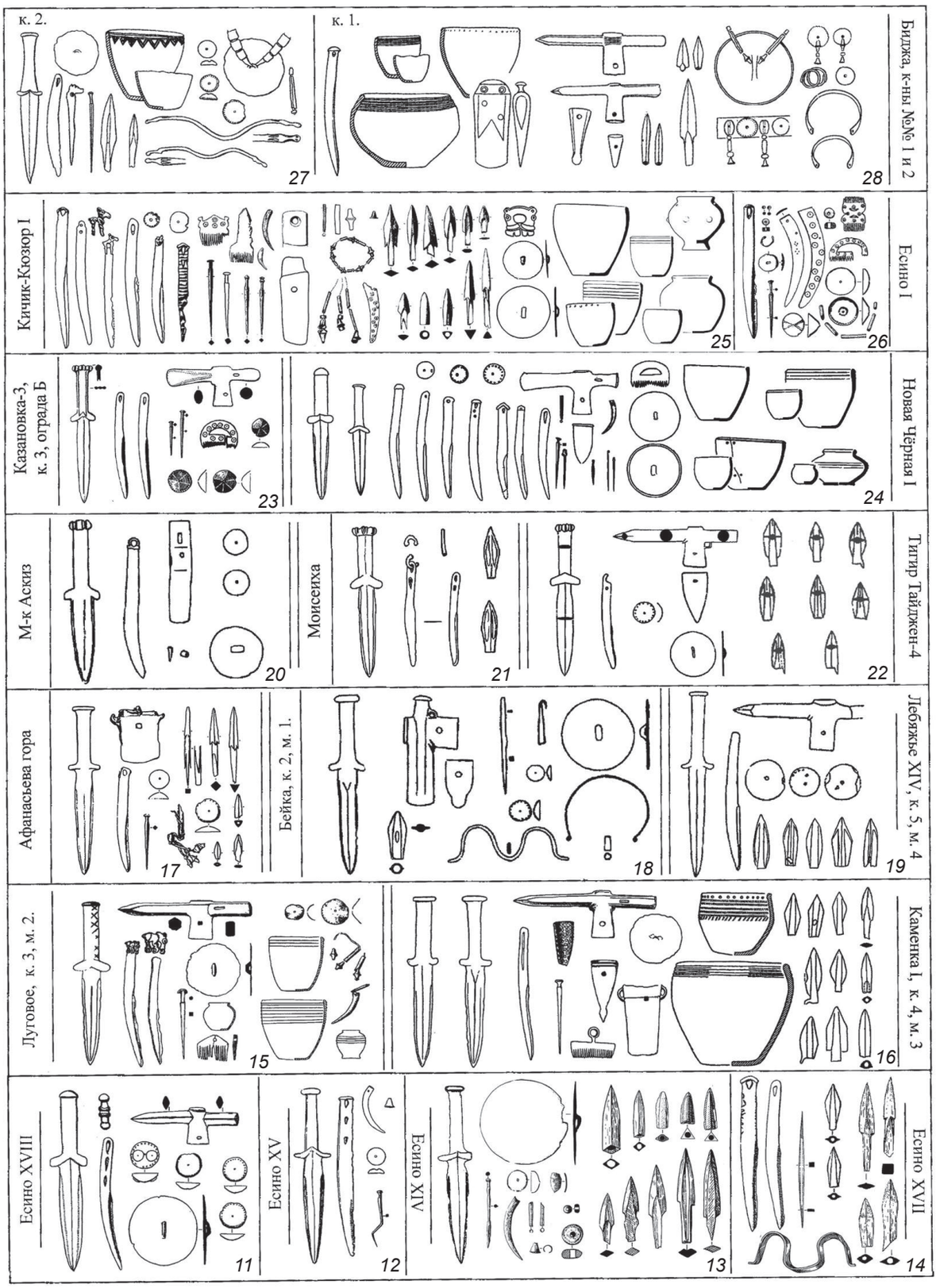

Рис. 1.2. Сопоставление предметов VIII в. до н.э. из археологических памятников тагарской культуры. Масштабы разные.

По материалам Д. Г. Савинова (11–14, 26); С. В. Александрова, Е. Д. Паульса (15); Я. А. Шера (16); М. Н. Пшеницыной (17); М. Л. Подольского (18, 22); О. Л. Пламеневской (19); Э. А. Севастьяновой (20); В. М. Старушенко (21); Н. А. Боковенко (23); Г. А. Максименкова (24); М. П. Завитухиной (25); А. Н. Липского (27–28). Составлено Л. С. Марсадоловым.

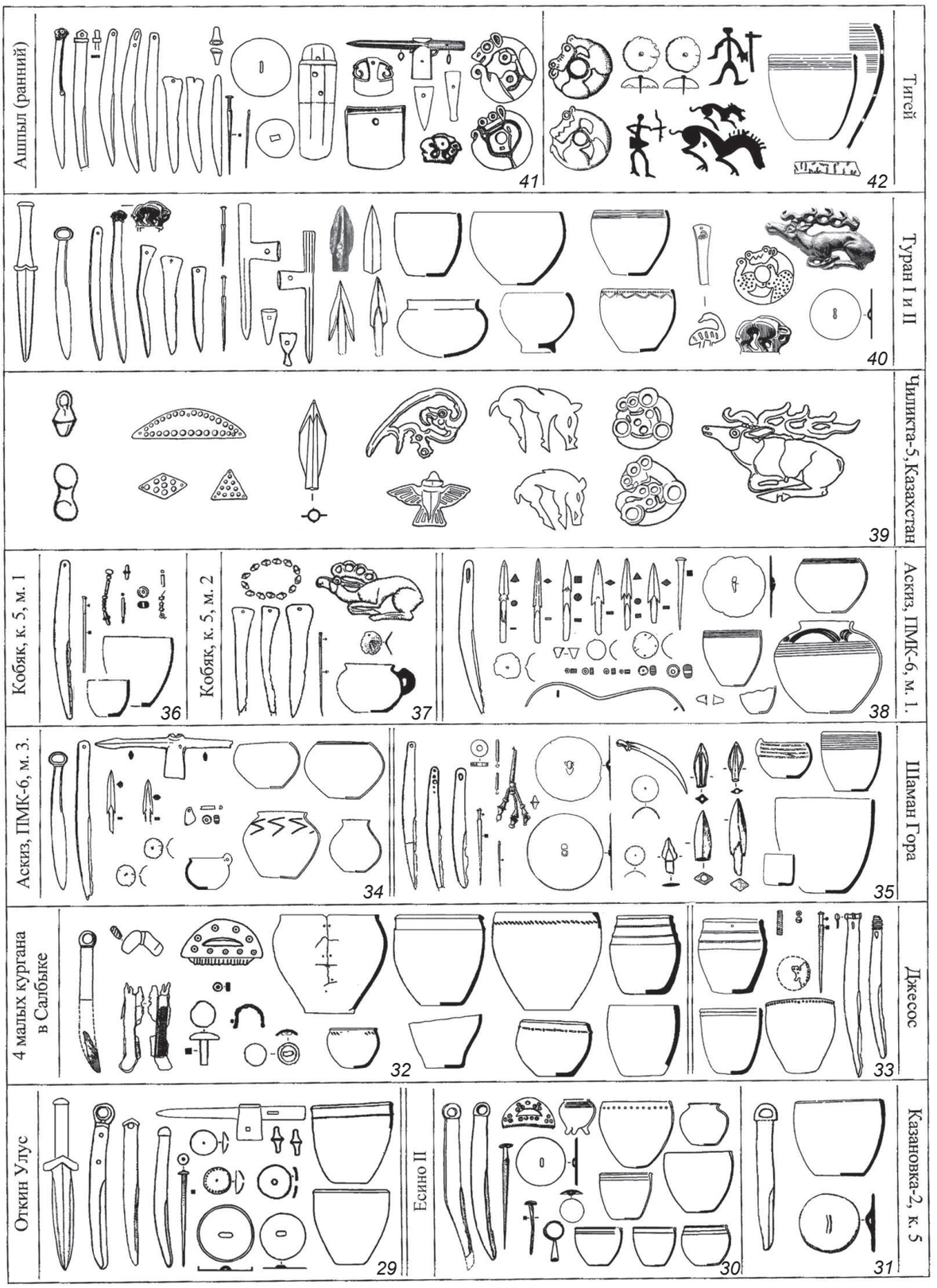

Рис. 1.3. Сопоставление предметов 2-й пол. VIII – 1-й четв. VII вв. до н.э. из археологических памятников тагарской культуры и Казахстана (39). Масштабы разные.
По материалам В. Г. Карцева (29); Д. Г. Савинова (30); Н. А. Боковенко (31); С. В. Киселёва (32); А. В. Адрианова (33); Е. Д. Паульса (34, 38); Н. А. Боковенко, Ю. А. Смирнова (35–37); С. С. Черникова (39); А. Д. Грача (40); С. Б. Гультова (41); В. Н. Седых (42). Составлено Л. С. Марсадоловым.

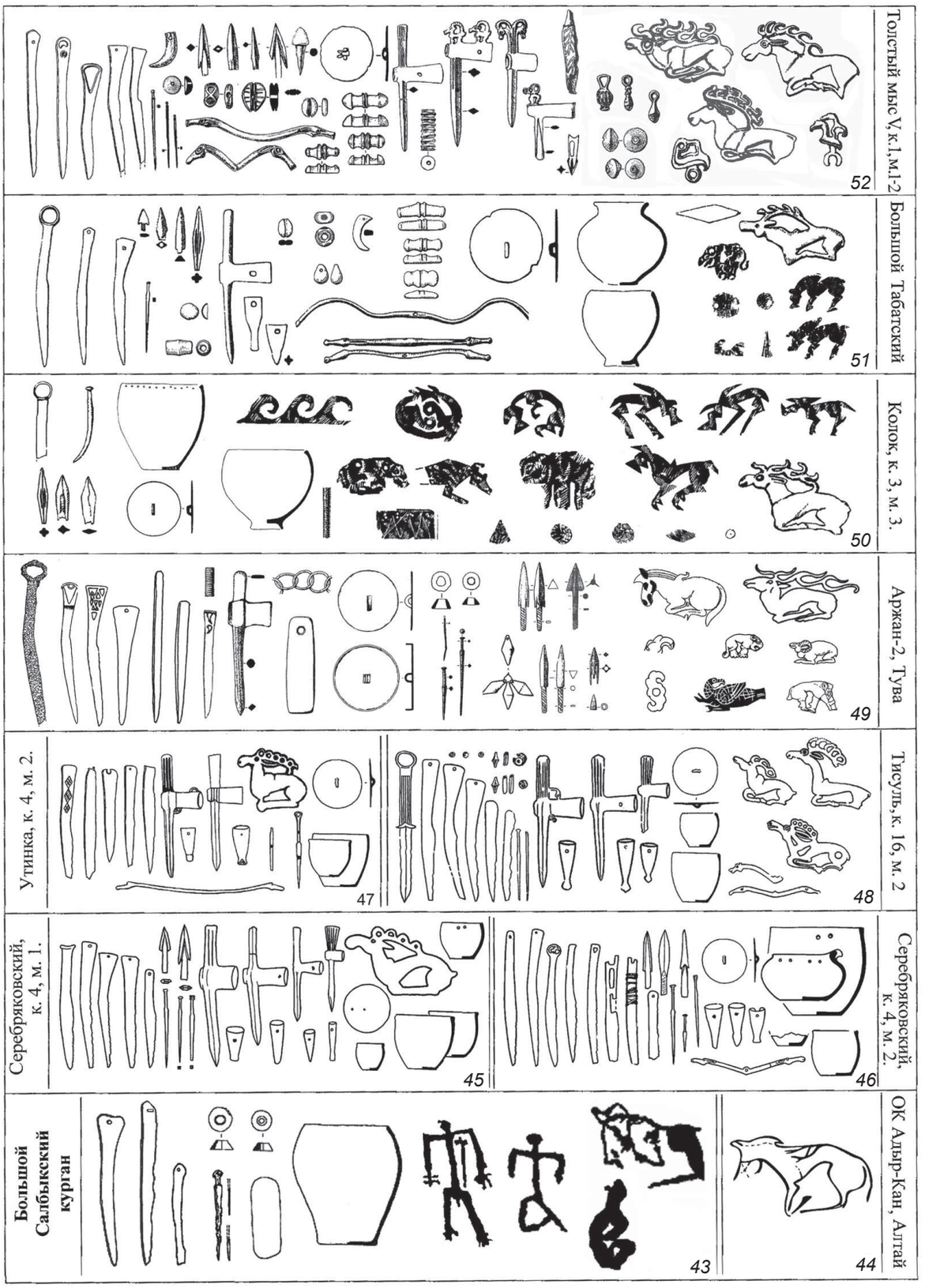

Рис. 1.4. Сопоставление предметов VII в. до н.э. из археологических памятников тагарской культуры, Алтая (44) и Тувы (49). Масштабы разные.
По материалам С. В. Киселёва (43); Л. С. Марсадолова (43–44); А. И. Мартынова (45–46, 48); В. В. Боброва (45–47); К. В. Чугунова, Г. Парцингера, А. Наглера (49); А. С. Полякова (50); М. Н. Пшеницыной (51); Г. Н. Курочкина (52). Составлено Л. С. Марсадоловым.

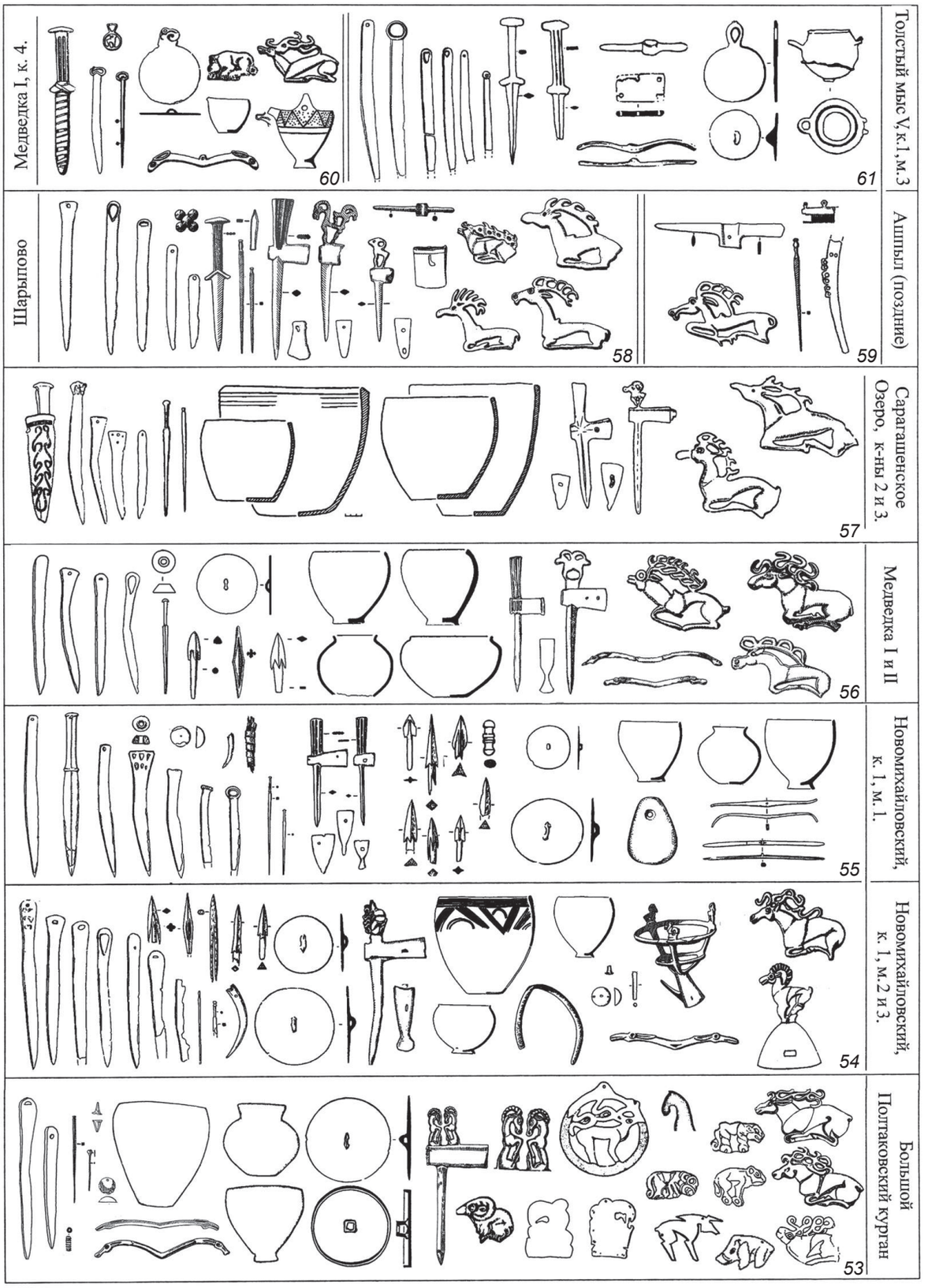

Рис. 1.5. Сопоставление предметов из археологических памятников тагарской культуры VII в. до н.э. (53–58) и VI в. до н.э. (58–61). Масштабы разные.
По материалам Г. Н. Курочкина (53, 61); Н. Ю. Кузьмина (54–55); Н. А. Боковенко, В. И. Седых, С. В. Красниенко (56; 60); Д. Г. Савинова, В. И. Молодина, Н. В. Полосьмак (56); М. П. Грязнова, М. Н. Пшеницыной (57); Е. Л. Кириллова (58); С. Б. Гультова (59). Составлено Л. С. Марсадоловым.

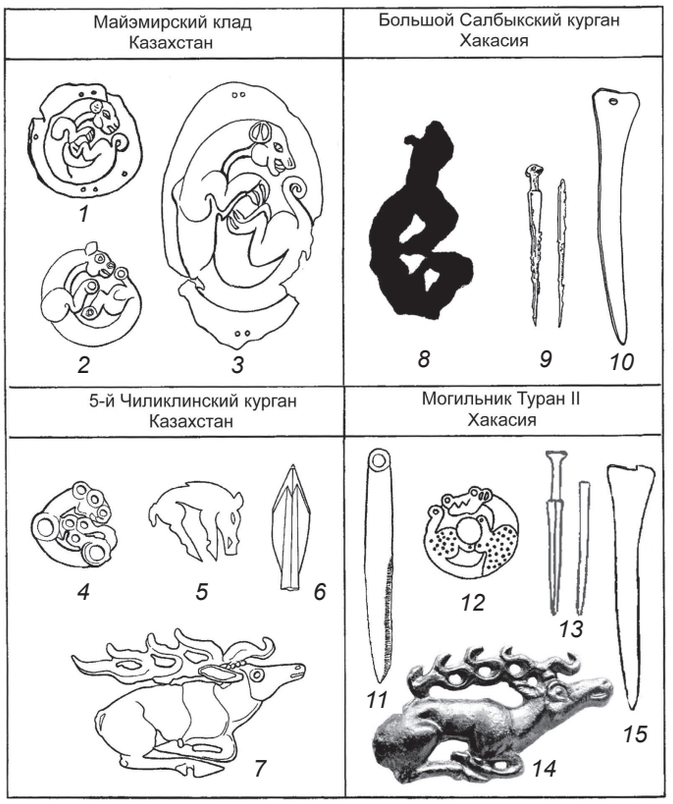

Рис. 2. Сопоставление предметов из археологических памятников Казахстана и Хакасии 2-ой пол. VIII – 1-ой пол. VII вв. до н.э.: 1–3 – Майэмирский клад (2-я пол. VIII в. до н.э.); 4–7 – курган Чиликты-5 (4-я четв. VIII – 1-я четв.VII вв. до н.э.); 8–10 – Большой Салбыкский курган (1-я пол. VII в. до н.э.); 11–15 – могильники Туран I (11) и Туран II (12–15) (1-я пол. VII в. до н.э.; 11 – к. 4, м. 2; 12 – к. 5, м. 2; 13–15 – к. 3, м. 2). Масштабы разные. *Функция предмета:* 1–5, 7, 12, 14 – бляшки; 6, 11 – наконечники стрел; 8 – наскальный рисунок; 9, 13 – шилья, проколки; 10, 15 – ножи.
Материал: 1–5, 7 – золото; 6, 9–11, 13–15 – бронза; 8 – камень; 12 – рог.
По публикациям Л. Л. Барковой (1–3); С. С. Черникова (4–7); С. В. Киселева и Л. С. Марсадолова (8–10); из раскопок А. Д. Грача (11–14). Составлено Л. С. Марсадоловым.

зволит определить их процентное соотношение в каждом из курганов, памятников и на разных этапах, выявить изменяющиеся во времени предметы вооружения, быта, украшений и стили «сакрального искусства», что будет способствовать более глубокому изучению влияний и роли различных этносов на каждом из этапов, а также поиску связей между локальными группами объектов в близких и удалённых районах и регионах, решению многих дискуссионных проблем.

Салбыкский этап в древней истории Хакасии

Подводя итоги изучению хронологии ранних памятников тагарской культуры, необходимо отметить, что среди археологов пока нет единой точки зрения на время её становления и завершения. Одни и те же археологические памятники относят к разным этапам. Как было отмечено выше (табл. 1), даже Большой Салбыкский курган относят либо к подгорновскому (VII–VI вв. до н.э. – А. Г. Акулов и Е. Д. Паульс), либо к сарагашенскому (V–III вв. до н.э. – большинство археологов) или даже к тесинскому (III в. до н.э. – I в. н.э. – Э. Б. Вадецкая, Н. Ю. Кузьмин) этапам тагарской культуры.

В каждой из хронологических схем, начиная с Г. Ф. Миллера, В. В. Радлова, С. А. Теплоухова, С. В. Киселёва, М. П. Грязнова и до современности, есть свои положительные моменты, до сих пор учитываемые многими археологами. По мере накопления новых материалов, исследования ярких объектов и глубоких теоретических обобщений в археологии Южной Сибири уже неоднократно происходила корректировка сложившихся схем. С. В. Киселёв переименовал «минусинскую Курганную культуру» С. А. Теплоухова в «тагарскую». В связи с новыми раскопками больших и средних курганов в Туве вместо крупной «уюкской» культуры по Л. Р. Кызласову или «казылганской» по С. И. Вайнштейну археологи всё чаще употребляют названия двух культур или этапов – «аржанский» и «саглынский» по наиболее значимым эталонным памятникам, изученным М. П. Грязновым и А. Д. Грачём. Памятники майэмирского этапа (по М. П. Грязнову), расположенные на территории Северного, Центрального и Южного Алтая, в 1999 г. А. А. Тишкин и Ю. Ф. Кирюшин выделили в особую бийкенскую археологическую культуру [Тишкин, 2011].

Не исключено, что со временем значение раскопанного С. В. Киселёвым Большого Салбыкского кургана – самого выдающегося мегалитического памятника тагарской культуры и Сибири, будет

закреплено за *салбыкским культурно-хронологическим этапом*. На уровне современных знаний, с помощью комплексного подхода к тагарским памятникам и с учётом дат «ключевых» объектов из других регионов, салбыкский культурно-хронологический этап можно датировать VIII–VI вв. до н.э., а БСК – 1-й пол. VII в. до н.э., что снимает проблему особого пути развития тагарской культуры.

Археологи уже пришли к выводу, что на раннем этапе преобладали индивидуальные захоронения в каменных ящиках, но постепенно увеличилось число коллективных захоронений в деревянных камерах [Грязнов, 1968; Субботин, 2001; и др.]. Монументальность курганной «архитектуры» сформировалась в раннетагарское время, достигла своего пика в Салбыке и постепенно угасла к концу таштыкской эпохи [Вадецкая, 1986, 1999; Акулов, Паульс, 2008; Савинов, 2009, 2012; Кузьмин, 2011; и др.].

Следует отметить, что, вероятно, подражание захоронениям в больших курганах правителей и знати (типа БСК), необходимость экономии средств и трудовых ресурсов при сооружении монументальных каменных оград и деревянных срубов не только у рядовых, но и зажиточных кочевников, у ранних тагарцев (на рубеже VIII–VII вв. до н.э.) довольно быстро привели к переходу от индивидуальных к семейным (известным ещё с карасукского времени и ранее), позднее – к коллективным погребениям (вначале в одной каменной ограде, а затем в одной яме и срубе), к созданию многократно используемых родовых склепов, к замене уменьшенными и миниатюрными копиями полноценных предметов. Массовое производство предметов, предназначенных специально для погребений, довольно быстро во второй половине салбыкского этапа привело к схематизации и деградации при изображении сакральных образов оленя, козла, барана (рис. 1: Толстый мыс, Сарагаш, Медведка, Тисуль и др.). Известно большое число вариантов погребальных конструкций VIII–VI вв. до н.э., что прослеживается и в рядовых курганах рядом с БСК – одиночные погребения в ямах, каменных ящиках, деревянном срубе, как в индивидуальных каменных оградах, так и разных типов погребений внутри одной ограды, и т.д.

Не подгорновской или сарагашенской, а салбыкской группе родственных семей и племён принадлежала реальная власть в центральной части древней Минусинской котловины. Локальные и хронологические комплексы рядовых и средних курганов в Баиново, Подгорново, Сарагаше значительно уступают Салбыку не только по размерам каменной ограды (например, Сарагаш – 19 х 15 м, 10 стел, а БСК – 71 х 71 м, 23 стелы), но и по вкладу в развитие материальной и духовной культуры тагарцев. В окрестностях Салбыка (с радиусом до 50 км) находится большая серия не раскопанных больших и средних курганов, самая многочисленная в Хакасии, что подтверждает тезис о сильной концентрации тагарской группировки племён именно в этом районе.

Большие и средние курганы типа Тигей, Узун-Оба, Сафроново можно считать предшественниками огромных Салбыкских курганов [Грязнов, 1968; Вадецкая, 1994; Акулов, Паульс, 2008; Седых, Марсадолов, 2009; Марсадолов, 2010; и др.]. В Сафроново, Тигее, Баргаяково, как и в Салбыке, юго-восточный камень ограды был самым массивным в кургане. В различиях размеров этих курганов, очевидно, отражён особый сложный социальный статус погребённых в структуре раннетагарского общества. Целый пласт раскопанных больших и средних тагарских курганов VII в. до н.э. (к сожалению, неоднократно ограбленных) – Большой Салбыкский, Тигей, Кара-Курген, Колок, Табат, Большой Полтаковский, Новая Михайловка, и ещё более обширный круг не раскопанных больших курганов в окрестностях Салбыка, свидетельствуют о существовании в древней Минусинской котловине сильного регионального союза племён, одного из самых многочисленных среди кочевников Южной Сибири и Евразии.

Заключение

Основные конструктивные и сакральные особенности Большого Салбыкского кургана (частично сформировавшиеся и в предсалбыкское время): обширная деревянная камера-сруб (как жилище для мёртвых – семьи или, позднее, рода), покрытие брёвен водонепроницаемой берестой, накат-пирамида из брёвен над срубом, дополнительный вход-дромос для подзахоронений с западной стороны, сложная монументальная каменная ограда и пирамидообразная насыпь, захоронение сопровождающей собаки и многие другие сакральные и архитектурные детали, доведённые до совершенства, стали эталоном для последующих погребальных соо-

ружений более чем на тысячу лет, не только для тагарской, но также для таштыкской культур и позднее [Марсадолов, 2010, 2011; 2014].

В целом салбыкский этап в Хакасии продолжался с VIII по VI века до н.э., а традиции культуры салбыкцев уходят, как в более ранние, так и в более поздние исторические периоды. По сравнению с салбыкским этапом, ни более ранние культуры эпохи бронзы, ни более поздние средневековые культуры древней Хакасии, не обладали такой многочисленностью населения, социальной сплочённостью коллективов, монолитностью и преемственностью в многовековом культурно-историческом развитии.

Литература

Акулов А. Г., Паульс Е. Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 5–8.

Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л. Древности Аскизского района Хакасии. – СПб., 2001. – 100 с.

Баркова Л. Л. Золотые пластины с изображением свернувшейся пантеры из Майэмира // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л.: Искусство, 1983. – Вып. 24. – С. 2–31.

Бобров В. В. Тагарский курган на оз. Утинка // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 170–181.

Боковенко Н. А. Древние культуры Казахстана и Енисея во 2–1 тыс. до н.э.: к проблеме контактов // Вопросы археологии Казахстана. Сборник научн. статей. – Алматы: Хикари, 2011. – Вып. 3. – С. 308–313.

Боковенко Н. А., Красниенко С. В. Могильник Медведка II // Памятники археологии в зоне мелиорации Южной Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 23–45.

Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красниенко С.В. Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. – Л.: Наука, 1983. – С. 75–81.

Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Белого Июса на Севере Хакасии. – СПб.: ИИМК РАН, 1998. – 94 с. (Археологические изыскания. – Вып. 59.)

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.

Вадецкая Э. Б. Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новосёловский (версии о курганах вождей тагарских племён // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург). – СПб., 1994. – С. 62–69.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 438 с. (Archaeologica Petropolitana, VII)

Грязнов М. П. Тагарская культура // История Сибири с древнейших времён до наших дней. Древняя Сибирь. – Л.: Наука, 1968. – Т. I. – С. 187–196.

Грязнов М. П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 3–6.

Грязнов М. П. Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 63 с.

Грязнов М. П., Пшеницына М. Н. Курганы IV–III вв. до н.э. на оз. Сарагаш // КСИА. – 1966. – Вып. 107. – С. 62–69

Гультов С. Б. Некоторые вопросы внутренней хронологии могильника Ашпыл // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. – Л.: Наука, 1983. – С. 58–64.

Завитухина М. П. Раннетагарский могильник Барсучиха V // Труды Государственного Эрмитажа.– Л.: Искусство, 1979. – Т. XX. – С. 68–86.

Завитухина М. П., Морозов С. В. Тагарский могильник Кичик Кюзюр-I в Хакасии (по раскопкам 1965-1966 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Вып. 36. – С. 100–116.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология (под ред. Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, Е.М. Скотт). – СПб.: Теза, 2005. – 290 с., 173 илл.

Ермолова Н. М., Марков Ю. Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. – Л.: Наука, 1983. – С. 95–97.

Кириллов Е. Л. Раскопки тагарского кургана в г. Шарыпово // Древние культуры Евра-

зийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. – Л.: Наука, 1983. – С. 61–64.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Киселев С. В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвящённых итогам археологических исследований 1955 г. – М., 1956. – С. 56–58.

Клейн Л. С. Время в археологии. – СПб.: Евразия, 2014. – 384 с.

Кузьмин Н. Ю. Курганы элиты тагарского общества // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург). – СПб., 1994. – С. 127–138.

Кузьмин Н. Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана: Изд. Группа ПЦК РК, 2008. – С. 187–204.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Курочкин Г. Н. Тагарские курганы в зоне Новосёловской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. – Л.: Наука, 1988. – С. 5–22.

Курочкин Г. Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новосёловский и Большой Полтаковский курганы). – СПб.: Петербургкомстат, 1993. – 44 с.

Лазаретов И. П. Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. – М.: Наука, 2007. – Вып. 14. – С 93–105.

Липский А. Н. Археологические раскопки в Хакассии // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 116–129.

Ловелиус Н. В., Васильев С. С., Дергачев В. А., Захариева Е. И., Марсадолов Л. С. Ареология ритмов – основа перекрестного датирования археологических памятников // Радиоуглерод и археология. – СПб: Теза, 1996. – Вып. 1. – С. 39–48.

Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 432 с.

Марсадолов Л. С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): автореф. дис. канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.

Марсадолов Л. С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л.: Искусство, 1988. – Вып. 29. – С. 65–81.

Марсадолов Л. С. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1994 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Тезисы докладов. Июнь 1995 года. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1995. – С. 8–9.

Марсадолов Л. С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). – СПб.: ТОО «Вичи», 1996. – 100 с.

Марсадолов Л. С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. – СПб.: Com Mark Nord, 1997а. – Вып. 1. – 56 с.

Марсадолов Л. С. Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и археология. – СПб.: ИИМК РАН, 1997б. – Вып. 2. – С. 45–51.

Марсадолов Л. С. Работы Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1996 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1996 год. Тезисы докладов. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997в. – С. 11–13.

Марсадолов Л. С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. д-ра культурологии. – СПб., 2000. – 56 с.

Марсадолов Л. С. О дате Майэмирского «клада» на Западном Алтае // Клады. Состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – С. 217–221.

Марсадолов Л. С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племён степей Евразии I тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар: ООО «Фирма НСС», 2004. – С. 69–85.

Марсадолов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2010. – 128 с.

Марсадолов Л. С. Наследие Большого Салбыкского кургана в культуре Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2011. – №1. – С. 4–12.

Марсадолов Л. С. 12-, 60-, 120-, 300-. 1200-, 3000-, 6000- и 12000-летние периоды в природе и обществе // Научное наследие Л. Н. Гумилёва: истоки, проблемы восприятия. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 72–82.

Марсадолов Л. С. Даты Большого Салбыкского кургана и этапа в Хакасии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т.II. – Казань: Отечество, 2014. – С. 211–217.

Марсадолов Л. С. Даты Большого Салбыкского кургана, салбыкского периода и этапа // Отчёт об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – Вып. 6. (в печати)

Мартынов А. И. Тисульские курганы тагарской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1972. – Вып. 4. – 238 с.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука СО, 1979. – 208 с.

Мартынов А. И., Бобров В. В. Серебряковский могильник // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Томь, 1971. – Вып. 3. – 132 с., 118 табл.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. I. – 607 с.

Мыглан В. О., Слюсаренко И. Ю., Ойдупаа О. Ч., Гаркуша Ю. Н. Царский курган Аржан-2 в Туве: дендрохронологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. –2006. – № 4. – С. 130–138.

Пламеневская О. Л. Погребальный обряд могильника Кадатское поле // Археология Средней Азии, Сибири и Кавказа // КСИА. – 1993. – Вып. 209. – С. 75–82.

Поляков А. В., Святко С. В. Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (неолит-начало железного века) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – Вып. 5. – С. 20–56.

Пшеницына М. Н. Раннетагарские погребения в могильнике Афанасьева гора на Енисее // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995. – С. 118–125.

Пшеницына М. Н., Поляков А. С. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. – 1989. – Вып.196: Археологические исследования на новостройках. – С. 58–66.

Радлов В. В. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Отдельный оттиск из VII тома Записок Императорского Русского Археологического Общества. – СПб., 1896. – 70 с.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб: Изд-во СПбГУ, 2009. – 226 с.

Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2012. – 180 с.

Савинов Д. Г., Молодин В. И., Полосьмак Н. В. Медведка I – могильник сарагашенского этапа на юге Хакасии // Южная Сибирь в древности. – СПб.: ИИМК РАН, 1995. – С. 126–135. (Археологические изыскания. – Вып. 24)

Седых В. Н., Марсадолов Л. С. О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – Вып. 5. – С. 101–110.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). –Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – 140 с.

Субботин А. В. Динамика развитой тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников): автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2001. – 24 с.

Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV. – Вып. 2. – С. 41–62.

Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. – 256 с.

Тишкин А. А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2011. – С. 272–290.

Черников С. С. Загадка золотого кургана. – М.: Наука, 1965. – 188 с.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–224.

Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М., 1997. – 98 с

Шер Я. А., Прокофьева А. М. Каменка-I – могильник начала тагарской культуры на Енисее (предварительное сообщение) // КСИА. – 1966. – Вып. 107: Археологические памятники раннего железного века. – С. 57–61.

Chugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaologie in Eurasien. – Mainz: von Zabern, 2010. – Bd. 26. – 330 S., 289 Abb., 153 Taf.

Heubner K.-U., Sljusarenko I. Die Dendrochronologie // Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaologie in Eurasien.– Mainz: von Zabern, 2010. – Bd. 26. – S. 178–182.

Podol'skij M. L. Early tagar barrows near the village of Znamenka in Khakasia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. – Leiden–New-York: Brill, 1996. – Vol. III. 1. – Pp. 61–96.

NEW DATING OF THE GREAT SALBYK KURGAN

L. S. Marsadolov

The Great Salbyk kurgan in Khakassia is the most known megalithic monument in Siberia. Archaeologist S.V. Kiselev's expedition was excavating Salbyk kurgan in 1954–1956. An expedition of the State Hermitage Museum was making investigations in Salbyk valley in 1992–2010 (chief L.S. Marsadolov). Samples for tree-ring and radiocarbon analyses were taken during expedition's works. Repeatedly scientists came back to systematization problems of archaeological materials at a new level of generalizations. For the last 40 years dates of Khakassian archaeological monuments have been specified by different methods – archaeological, radiocarbon and tree-ring chronological. Nowadays the kurgan can be dated as of the 1st half of the VIIth century B.C. A huge layer of big kurgans in the vicinity of Salbyk indicates a strong grouping and concentration of Tagar tribes specifically in this area. The Salbyk period in Khakassia was proceeding from the VIIIth century to the VIth century B.C. but traditions of this culture go back to later historical periods.

Key words: Khakassia, the Tagar culture, chronology, radiocarbon dating, tree-ring chronology, kurgan, elite, ordinary burials

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ОГЛАХТЫ: информационный потенциал и перспективы исследования*

Е. А. Миклашевич

УДК 903.27

Статья посвящена характеристике десяти местонахождений петроглифов Оглахты (Республика Хакасия), которые образуют один из крупнейших комплексов наскального искусства Южной Сибири. Автор описывает расположение и основные особенности каждого из 10 местонахождений, вводит в научный оборот неизвестные архивно-музейные материалы и результаты новых полевых исследований, представляет в виде культурно-хронологической колонки основные этапы развития изобразительных традиций комплекса, намечает перспективы дальнейших исследований. Делается вывод о том, что комплекс имеет большой информационный потенциал и высокую культурно-историческую ценность; обсуждается возможность включения его в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: наскальное искусство, Минусинская котловина, Хакасия, Оглахты

Горный массив Оглахты расположен на левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) ниже устья р. Туба на территории Боградского района Республики Хакасия, к югу от с. Советская Хакасия. Это место представляет большой научный интерес с точки зрения геологии, географии, биологии, археологии и других наук: демонстрирует характерный пример куэстового рельефа и большое разнообразие ландшафтов; это одно из немногих в Хакасии мест сосредоточения редких и эндемичных видов растений; здесь обитает 5 видов пресмыкающихся, 148 видов птиц, 44 вида млекопитающих; в горах и окрестностях находятся десяткиархеологическихпамятников,относящихся к эпохам от палеолита до нового времени и представляющих практически все этапы хронологической колонки археологии Хакасско-Минусинской котловины, среди них – курганы, склепы, стоянки, крепостная стена, наскальные рисунки [Вадецкая, 1986; Девяткин и др., 2000; Михайлов, 1961]. Данная статья посвящена одному из важнейших компонентов, определяющих значимость этой территории, – наскальному искусству.

Наскальные изображения известны в нескольких пунктах. Наибольшим богатством по числу изображений отличаются скалы вдоль берега Енисея и юго-западный склон, известный под названием «Сорок Зубьев». Каждый из них даже сам по себе представляет крупный памятник наскального искусства, но взятые все вместе известные к настоящему времени местонахождения образуют комплекс памятников наскального искусства, равного которому нет в Хакасско-Минусинской котловине – регионе, известном как один из богатейших в мировом масштабе ареалов наскального искусства.

Наиболее известными и довольно хорошо представленными в научной литературе являются петроглифы на береговых скалах. Именно они привлекали внимание большинства исследователей, начиная с середины XIX в.[1] То, что изображения есть и на «южном боку горы Оглахты, протянувшемся перпендикулярно к течению Енисея» («Сорок Зубьев» – *Е. М.*),

[1] Мы не останавливаемся в данной статье на истории изучения петроглифов Оглахты, так как в кратком виде она излагалась уже неоднократно [Шер, 1980, с. 154, 155; Черняева, 1981; Sher et al., 1994, p. 7; Советова, Миклашевич, 1999, с. 50; Есин, 2013, с. 66, 67], а более полная заслуживает специальной публикации. Здесь мы приводим лишь те сведения об изучении памятников, которые имеют отношение к общей характеристике комплекса.

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К